

А. Ю. Федорченко

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ VI УШКОВСКИХ СТОЯНОК: КОНТЕКСТ, ТЕХНОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-115-123

УДК 903.25(571.66)“632”

ББК 63.442.12(2Рос-4Кач)

В статье приведены результаты комплексного изучения планиграфического контекста, технологии производства и функционального назначения украшений из пород мягкого поделочного камня, происходящих из культурного слоя VI Ушковских стоянок (Центральная Камчатка). В ходе многолетних раскопок памятников Ушки-I–V получена представительная коллекция каменных украшений, насчитывающая 37 изделий нескольких типов (26 подвесок, 7 бляшек и 4 объемные бусины). Основные элементы технологического контекста их производства приурочены к углистым площадкам жилищ и к отдельно расположенным кострищам, вокруг которых находились рабочие площадки. Технология изготовления этих изделий состояла из подбора и транспортировки на стоянки поделочного материала, получения заготовок путем расщепления отдельностей мягкого камня ударом каменного отбойника, создания преформ шлифовкой, сверления, орнаментации изделий насечками или нарезками, их полировки выделанной кожей. Особой информативностью обладают ситуации обнаружения каменных украшений культурного слоя VI Ушковских стоянок в контексте объектов сакрального характера — двух погребений. Результаты планиграфического, технологического и трасологического изучения демонстрируют связь этих предметов с различными функциональными и семантическими системами. Особенности расположения инситуных скоплений украшений и морфология следов износа указывают на использование большинства бусин, подвесок и бляшек в качестве повседневных изделий — персональных нательных украшений и элементов декора одежды.

Ключевые слова: каменный век, верхний палеолит, Камчатка, украшения, искусство, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, погребения

Введение

Практика использования персональных каменных украшений является одним из немногих достоверно реконструируемых видов символической деятельности, известных для широкого круга памятников позднего палеолита Северо-Восточной Азии. Крупнейшая для изучаемого региона коллекция типологически разнообразных украшений (бусин, подвесок, бляшек) представлена в палеолитических индустриях Ушковских стоянок на Камчатке. Комплекс многослойных памятников Ушки-I–V расположен на южном берегу озера Большого Ушковского, в 226 км от устья реки Камчатки, на высоте 40 м над уровнем моря. Культурные отложения этого стояночного комплекса отражают последовательность развития археоло-

гических традиций Камчатки на протяжении последних 13 тыс. лет — от финального палеолита до этнографического времени. В геоморфологическом отношении палеолитические культурные слои памятников приурочены к отложениям краевой части флювиогляциальной равнины второй фазы верхнеплейстоценового оледенения, перекрытых серией стерильных прослоек голоценовой тефры.¹

Культурный слой (к. с.) VI с материалами поздней ушковской археологической культуры зафиксирован на стоянках Ушки-I, IV и V в 170–180 см от современной поверхности, в основании серовато-желтого суглинка и в верхней части сероватого зеленовато-желтого темного суглинка с горизонтальными прослойками песка. На основании серии радиоуглеродных датировок возраст к. с. ограничивается интервалом 10 000–10 800 ¹⁴C л. н. Для первичного расщепления индустрии поздней ушковской культуры характерна технология производства микропластин с клиновидных

Федорченко Александр Юрьевич — м.н.с. отдела археологии каменного века, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: winteralex2008@gmail.com

* Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии», рук. А. П. Деревянко)

¹ См.: Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка / Кренке Н. А., Леонова Е. В., Мелекесцев И. В., Певзнер М. М. // РА. 2011. № 3. С. 15.

микронуклеусов. Основными приемами модификации микропластинчатых сколов выступали: для изготовления вкладышевых орудий и проколов — обработка дорсальной краевой режущей, при оформлении резцов — резцовым сколом. Ладьевидные и лыжевидные технические сколы применялись для производства резцов, скребков, наконечников стрел, острий, ножей.² В орудийном наборе представлены бифасиальные ножи и наконечники широкой листовидной формы, одинарные, двойные и комбинированные резцы, скребла и чопперы, ножи с шлифовкой, отбойники, абразивы с продольным желобком.³

Ранее нами детально проанализирована технология производства каменных украшений к. с. VII стоянок Ушки-I–V.⁴ Цель данной статьи заключается в обобщении и анализе сведений об особенностях планиграфического контекста, технологии производства и функционального использования каменных украшений к. с. VI Ушковских стоянок. Основными источниками исследования являлись коллекции артефактов из раскопок Н. Н. Дикова 1965–1991 гг. и М. А. Диковой — 2000 гг. (фонды СВКНИИ ДВО РАН). Проанализированы и отчеты о полевых исследованиях памятников Ушки-I–V из архивов ИА РАН и СВКНИИ ДВО РАН. Автор статьи принимал участие в раскопках стоянки Ушки-V в 2005–2009 гг. и в составлении полевых отчетов по ним. Способы производства и функции персональных украшений изучались на основе технологического и экспериментально-трассологического методов. При анализе и фиксации следов износа и обработки использовались микроскопы МБС и Olympus BHM, фотокамера Canon EOS 7D с объективом EF-S 60mm f/2.8 Macro USM. Лабораторные изыскания дополнялись серией экспериментов по моделированию технологий производства украшений с использованием разнообразного каменного сырья.

Контекст обнаружения украшений

За годы исследований памятника Ушки-I вскрыто более 5 200 м² к. с. VI с остатками 40 жилищных конструкций и с тремя погребениями.⁵ На стоянке Ушки-IV в 1966–1967 гг. раскопками было охвачено 78 м², исследовано два жилища.⁶ Площадь палеолитических горизонтов памятника Ушки-V в полевые сезоны 1974–1975 гг. составила 155 м², в 1995–2008 гг. — 124 м². В ходе полевых работ изучена одна полуземлянка к. с. VI.⁷

Жилищные площадки к. с. VI представляют собой мощные, спрессованные скопления углистой и обгоревшей костной массы, насыщенные артефактами, остатками фауны и охристых минеральных пигментов. В центре подобных площадок располагаются очаги с фрагментами горелых костей и жженой костной массы, по площади жилищ рассредоточены следы многочисленных узких цилиндрических ямок от опорных столбов или кольшков. Все остатки жилищных конструкций поздней ушковской культуры стоянки Ушки-I могут быть разделены на три типа. В первую группу входят 13 жилищ округлой формы с коридорообразным входом и одним очагом с кольцевой обкладкой крупными камнями. Жилища этого типа углублены на 30–50 см; их площадь — 12–48 м². Вторую группу составляют 14 целиком наземных жилищ округлой формы и с подобными же очагами, но без коридоров и площадью 8–16 м². К третьему типу отнесено 13 больших (40–140 м²) углистых площадок овальных, округлых или подтрапециевидных форм с кострищами открытого типа.⁸

Анализ планов из полевых отчетов позволяет судить о приуроченности основных элементов технологии производства каменных украшений к. с. VI к жилищным и производственно-хозяйственным комплексам. Две подвески получены в 1965 г. при изучении

² См.: Федорченко А. Ю. Орудия из технических сколов в каменной индустрии VI культурного слоя Ушковских стоянок: предварительный обзор данных // Актуальная археология 3. СПб., 2016. С. 115–119.

³ См.: Федорченко А. Ю. Изделия с резцовыми сколами VI палеолитического слоя стоянки Ушки-I (Камчатка) // *Stratum plus*. 2016. № 1. С. 223–241; Он же. Экспериментально-трассологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 16–32.

⁴ См.: Федорченко А. Ю. Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): технологический анализ // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2015. № 1. С. 100–114.

⁵ См.: Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993. С. 21–32.

⁶ См.: Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. М., 1977. С. 75–79.

⁷ См.: Диков Н. Н. Отчет о полевых исследованиях в Магаданской и Камчатской областях. Архив СВКНИИ ДВО РАН. 1976. № 998; Дикова М. А. Позднеплейстоценовые комплексы стоянки Ушки V: история открытия и перспективы исследований // Северная палеокультура — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Магадан, 2005. С. 62–66; Понкратова И. Ю. Стоянка Ушки-5 (Камчатка): исследования последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. Магадан, 2007. Вып. 2. С. 13–20.

⁸ См.: Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки... С. 21–24.

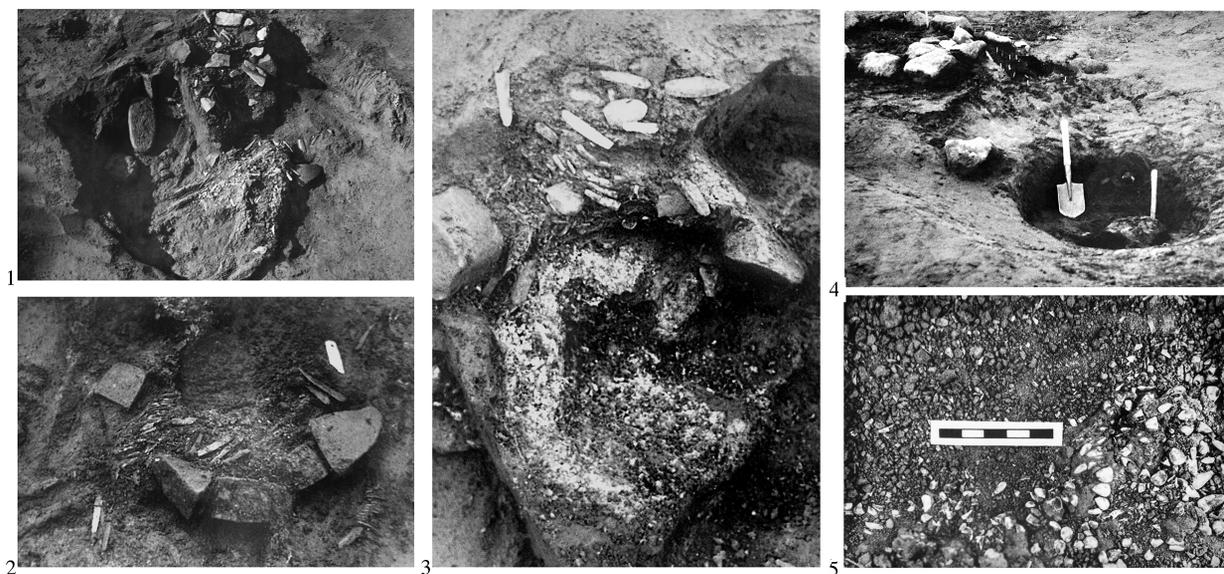

Рис. 1. Материалы из погребений культурного слоя VI Ушковских стоянок (По: Диков, 1974; 1993)

одного из очагов стоянки Ушки-I.⁹ В 1966 г. в процессе изучения полупещерного памятника Ушки-IV обнаружена подвеска с двумя отверстиями и боковыми насечками. Эта находка приурочена к верхнему горизонту жилища и обнаружена в полуметре от очага, на кв. 3-В.¹⁰ Уникальная серия из трех «лабретковидных» бляшек получена при раскопках одной из полупещерок стоянки Ушки-I в 1978 г. Две бляшки обнаружены на кв. 20-Е, в 15 см друг от друга, третье изделие — на кв. 19-Д, в 120 см от предыдущих.¹¹ За пределами этого жилища, с его восточной стороны, обнаружены три заготовки украшений. Коллекция подвесок и объемных бусин из поделочных пород камня выявлена при изучении углистых площадок стоянки Ушки-I в 1979–1990 гг.

Серия каменных украшений поздней ушковской культуры найдена в контексте объектов ритуального характера. Двойное детское захоронение обнаружено в 1973 г. при раскопках полупещерки № 3 памятника Ушки-I (рис. 1, 1–3). Погребение совершено в неглубокой округлой яме ($d = 70$ см, $h = 20$ см) в юго-западной части жилища, за очагом со смещенными в сторону очажными камнями (кв. 1-Б и 2-Б). Подобная планиграфическая ситуация может указывать на покидание жилища его

обитателями после совершения обряда захоронения.¹² Фрагменты двух скелетов плохой сохранности располагались в скорченном положении один к другому, головами на запад и север. Западная часть могилы с разрушенным черепом и артефактами была густо покрыта охрой. Остатки скелетов в средней части захоронения располагались на подстилке из плотно уложенных резцов нескольких десятков леммингов.¹³ Над первым черепом были обнаружены крупные зубы грызуна, прикрытые каменной плиткой, три листовидных наконечника и три подвески из пирофиллита (кв. 1-Б). Еще одна подвеска из белого поделочного камня находилась под ребрами погребенного (рис. 1, 2; 2, 8). К югу от черепа прослежена овальная плитка из зеленого глауконитового песчаника. На бортах ямы в южной и северной частях обнаружены фрагменты челюстей животных со следами красной охры.¹⁴ На месте второго разрушенного черепа среди молочных человеческих зубов были обнаружены подвески из зубов животного с тонко просверленными отверстиями.¹⁵

Второе коллективное погребение детей обнаружено при изучении к. с. VI стоянки Ушки-I в 1986 г. (рис. 1, 4–5). Захоронение совершено в округлой яме ($d = 95$ см, $h = 100$ см) в полупещерке № 10 к югу от очага с кольцевой

⁹ См.: Диков Н. Н. Отчет об исследовании Ушковской палеолитической стоянки на Камчатке в 1965 г. Архив ИА РАН. 1966. Р-1. № 3113.

¹⁰ См.: Диков Н. Н. Палеолитическое жилище на камчатской стоянке Ушки-IV // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 34–42.

¹¹ См.: Диков Н. Н. Отчет о полевых исследованиях в бассейне р. Колыма, на Чукотке и Камчатке в 1978 г. Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 7182. С. 18, 85.

¹² См.: Диков Н. Н. Отчет о полевых археологических исследованиях на Камчатке и Колыме в 1973 г. Архив ИА РАН. 1974. Р-1. № 5287. С. 24–37.

¹³ См.: Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки... С. 24, 25.

¹⁴ См.: Диков Н. Н. Отчет о полевых археологических исследованиях на Камчатке и Колыме в 1973 г. С. 34.

¹⁵ См.: Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки... С. 24, 25.

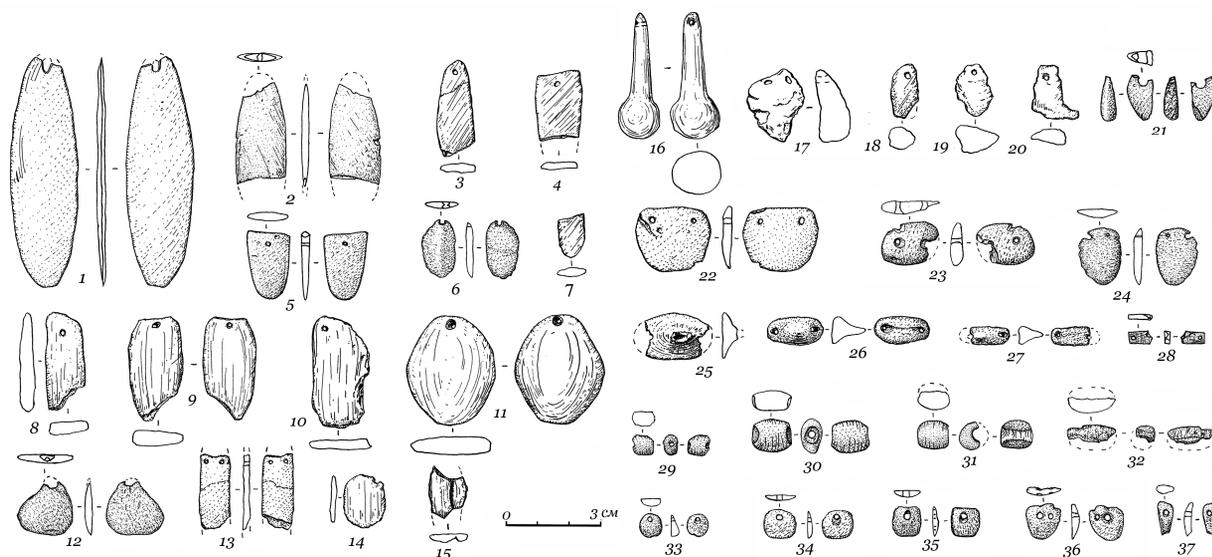

Рис. 2. Каменные украшения культурного слоя VI Ушковских стоянок (рис. Е.П. Давыдовой)

обкладкой, справа от входа в жилище. На дне ямы найдены остатки костей плохой сохранности и пять скоплений зубов, принадлежавших нескольким детям 2–6 лет (рис. 1, 5). Анатомическая связь между зубами и костями прослежена для двух индивидов. К остаткам первого отнесены две горизонтально расположенные тонкие трубчатые кости и одна бедренная кость в наклонном положении. Эти фрагменты костей могут соотноситься с центральным скоплением зубов № 1, оставшихся от черепа ребенка 2–3 лет. Часть костных останков, по всей видимости, связана с концентрацией зубов № 2 от черепа ребенка 3–4 лет. Рядом со скоплениями зубов № 3–5 фрагментов костей не зафиксировано.¹⁶ На месте скопления зубов № 1 обнаружены 2 подвески из мягкого камня. В 6 см западнее находилась третья каменная подвеска.¹⁷ Большинство каменных артефактов на дне погребальной ямы (листовидные бифасы, абразивы, клиновидные микронуклеусы, наконечники стрел, микропластины и сколы с ретушью) было локализовано локальными скоплениями. В рамках четырех компактных скоплений эти изделия располагались в 2–3 слоя относительно друг на друга. Подобный характер размещения находок позволяет предполагать, что при погребении эти артефакты были уложены в сумки.¹⁸ В одном из скоплений, наряду с орудиями, зафиксирована сломанная на две части плитка и один обломок мягкого камня зеленого цвета.

Анализ распространения каменных украшений в контексте палеолитического культурного слоя VI Ушковских стоянок позволяет выделить зоны производственной и символической активности древнего человека. Приуроченность основных элементов технологии изготовления украшений к многочисленным остаткам жилищ наглядно демонстрирует, что весь цикл производства этих изделий осуществлялся на самих памятниках. Обнаружение бусин и подвесок в составе двух ярко выраженных ритуальных объектов позволяет существенно расширить наши представления о культуре древнейших обитателей региона. На основе изучения сведений о планиграфии антропологических останков становится возможной реконструкция положения покойных при совершении обряда погребения. Особенности размещения украшений в составе погребальных комплексов позволяют судить об использовании этих изделий для орнаментации одежды и головных уборов.

Морфология и технология производства украшений

В результате многолетних полевых исследований комплекса Ушковских археологических стоянок получено 37 каменных украшений поздней ушковской культуры — 26 подвесок, 7 бляшек и 4 объемные бусины. Из к. с. VI памятника Ушки-I происходит 30 предметов, Ушки-V — 6 изделий, Ушки-IV — 1. Для изготовления этих изделий использовался тальк, пирофиллит и агальматолит темно-серого, красно-коричневого,

¹⁶ См.: Диков Н. Н. Отчет о полевых исследованиях на Колыме и Камчатке в 1991 г. Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17079. С. 4, 5.

¹⁷ Там же. С. 5–7.

¹⁸ См.: Диков Н. Н. Палеолит Камчатки и Чукотки... С. 25.

желтовато-серого, зеленовато-серого, белого и других цветов. Основой для изготовления подвесок, бляшек и бусин служили мелкие гальки, отщепы и осколки. В коллекции к. с. VI стоянки Ушки-I также выявлен один скол из мягкого камня, шесть крупных заготовок объемных подвесок подтреугольной и цилиндрической формы со следами первичной шлифовки и одна преформа плоской прямоугольной подвески.

Среди завершенных украшений проследены серийные и уникальные формы. Наиболее распространенным типом являются плоские (20 экз.) и объемные (6 экз.) подвески симметричной вытянутой овальной формы (рис. 2, 1–5, 7), округлой (рис. 2, 11, 14, 22, 24, 33, 34), подпрямоугольной (рис. 2, 8, 10, 13, 35) или подтреугольной (рис. 2, 12, 21) формы. Два предмета — фигурные (рис. 2, 15, 16). Большинство подвесок имеет одно отверстие в верхней части. Следы абразивной обработки в виде параллельных рисок расположены вдоль или диагонально оси изделий. Боковые края предметов в основном плавно закруглены или приострены шлифовкой, реже — имеют следы насечек (рис. 3, 1, 5). Несколько подвесок комплекса (рис. 2, 5, 21) сочетают признаки продольного или поперечного слома со следами ремонта: поврежденная поверхность обрабатывалась абразивом, ниже места слома подготавливалось новое отверстие.¹⁹

В отдельную группу выделены бляшки с двумя и более отверстиями (рис. 2, 22, 23, 25–28, 36; 3, 1). Тремя экземплярами представлены объемные бляшки из белого талька (20,0 × 15,0 × 6,2 мм / 17,0 × 10,0 × 10,8 мм / 12,0 × 6,0 × 8,7 мм) овальной формы с выступающим из центра носиком, который придает этим изделиям вид своеобразных лабреток (рис. 2, 25–27).²⁰ Биконические и цилиндрические отверстия (d = 1,7–2,0 мм) смещены к краям изделий. Поверхности бляшек тщательно отшлифованы и заполированы, на вентральной плоскости фиксируются следы от привязывания (рис. 3, 2). Особый интерес вызывает миниатюрное изделие из белого талька (4,6 × 7,9 × 2,3 мм), прямоугольное по

форме и профилю (рис. 2, 28). На лицевых сторонах предмета фиксируются следы отделочной шлифовки и полировки, поверх которых каменным орудием с V-образным лезвием прорезаны перпендикулярные ряды неглубоких линий. Два биконических отверстия (d = 1,3 и 2,2 мм) смещены к краям (рис. 3, 4). Внутри одного из отверстий и прорезанных линий прослежены следы красного охристого пигмента.

Выразительную серию составляют 4 объемные бусины-пронизки овальной формы (рис. 2, 29–32). Два предмета являются целыми (7,0 × 6,0 × 5,7 мм / 13,0 × 11,0 × 7,0 мм), два (10,0 × 9,0 × 6,4 мм / 15,0 × 5,0 × 6,1 мм) несут следы продольной деформации, вероятно, полученной при использовании в древности. Лицевые поверхности бусин заглажены и заполированы. Каждая бусина имеет одно отверстие (d = 2,5–5,0 мм, h = 5,0–8,0 мм), просверленное через продольную ось изделий с двух сторон во встречном направлении. Три предмета несут следы повторного сверления для исправления ошибок первоначальной перфорации — значительного отклонения отверстий от оси изделий (рис. 3, 6).

В результате исследования реконструированы основные приемы и способы изготовления каменных украшений поздней ушковской культуры. Технология их производства состояла из нескольких последовательных операций — подбора и транспортировки поделочного материала; получения заготовки путем расщепления ударом каменного отбойника; создания преформы шлифовкой; сверления; орнаментации насечками или нарезками; полировки мягкой кожей.

Результаты экспериментально-трассологического изучения

Экспериментально-трассологический анализ каменных украшений к. с. VI позволил выявить несколько категорий следов, отражающих основные этапы существования изучаемых украшений. Следы изготовления подразделяются нами на несколько типов: формообразующие следы первичной абразивной обработки, признаки сверления и следы отделочной полировки. Признаки износа также группируются в несколько категорий: следы от контакта с ниткой или ремешком, следы от взаимодействия с одеждой, следы «прижизненных» деформаций.

На всех изученных преформах и заготовках прослеживаются признаки первичной, формо-

¹⁹ См.: Федорченко А. Ю. Технологический анализ каменных украшений поздней ушковской культуры // Геология, география, биологическое разнообразие и ресурсы Северо-Востока России. Магадан, 2016. С. 351–354.

²⁰ См.: Федорченко А. Ю. Технология изготовления каменных украшений в палеолите Ушковских стоянок (Камчатка) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. 1. Казань, 2014. С. 169–171.

Рис. 3. Следы обработки и износа на каменных украшениях культурного слоя VI Ушковских стоянок (фото А.Ю. Федорченко)

образующей шлифовки в виде тонких линейных следов, расположенных перпендикулярно или параллельно оси изделий. На готовых изделиях признаки абразивной обработки прослеживаются эпизодически, в основном они перекрыты более поздними следами сверления, полировки и износа. В качестве шлифовальных инструментов в изучаемой индустрии применялись плитки мелкозернистого песчаника, туфа и пемзы подпрямоугольных и овальных форм. Внутри сохранившихся сверленных отверстий фиксируются ряды концентрических борозд (рис. 3, 1). Особенности следов перфорации указывают на использование двустороннего сверления, направленного на получение конусообразного по форме отверстия с одной лицевой поверхности и предусматривающего последующее рассверливание с противоположной стороны. Морфологические параметры большинства отверстий указывают на использование в качестве сверла каменного инструмента с очень узким лезвием.

На одной или двух лицевых сторонах бляшек и части изученных подвесок из к. с. VI прослеживаются следы от нитки или ремешка (рис. 3, 5). На большинстве подвесок подобные следы распространяются от сверленных отверстий к ближайшей боковой грани изделия и далее на противоположную плоскость. Внутри отверстий этих изделий прослежены

локальные зоны стертости. Бусины-пронизки и большинство подвесок выступали в роли составных элементов ожерелий и амулетов. Концентрические следы от сверления отверстий внутри этих бусин и подвесок практически не сохранились, что указывает на продолжительное и относительно свободное перемещение изделий по нитке (рис. 3, 6).

Следы «прижизненного» износа на большинстве подвесок, бляшек и бусин к. с. VI имеют сходный облик. В основном это разнонаправленные, неглубокие, тонкие и короткие риски, следы микровыкрошенности и локальные зоны затертости (рис. 3, 2). Облик этих следов резко контрастирует с идеально заглаженной от шлифовки и полировки поверхностью. Указанные признаки часто перекрыты следами тусклой матовой заполировки, проникающей в глубь неровностей микрорельефа (рис. 3, 3, 5). Рассматриваемый комплекс следов интерпретируется как признаки контакта украшений с одеждой или кожей человека.

Все изученные изделия отличаются сложной микростратиграфией следов. Широкое использование приемов абразивной обработки на стадии подготовки преформы приводило к изменению первичной поверхности заготовки, применение полировки — к деформированию признаков шлифовки. На этапе функционирования бусин, подвесок и бляшек следы шлифовки, сверления и полировки активно замещались следами микроизноса и «прижизненных» повреждений, специфичных по своей морфологии. На части украшений зафиксированы следы ремонта — для повторного использования изделий в прежней функции.

Заключение

Комплекс Ушковских многослойных стоянок является одним из наиболее информативных геоархеологических объектов крайнего Северо-Востока Азии. Рассматриваемые памятники обладают представительными коллекциями каменного инвентаря с надежной стратиграфической, планиграфической и хронологической привязкой. Наряду с выразительными ансамблями каменных орудий, палеолитические материалы ушковских индустрий содержат представительную серию изделий с неутилитарным назначением — миниатюрных бусин, подвесок и бляшек из мягких пород камня. Уникальность Ушковских стоянок заключается в превосходной сохранности и полноте технологических контекстов производства

подобных изделий. Особенности поведенческих стереотипов, связанных с изготовлением и использованием каменных украшений, подчеркивают исключительную информативность этих артефактов при реконструкции материальной и духовной культуры древнейших обитателей Камчатского полуострова.

Анализ сведений по планиграфии, технологии и трасологии украшений Ушковских стоянок указывает на связь этих предметов с несколькими функциональными и семантическими системами. Вариабельность морфологии каменных украшений и сырья для них предполагает существование определенных предпочтений при выборе материалов и построении композиций из этих изделий, сценариев и традиций их использования. Бусы-пронырки, бляшки и подвески выступали в роли элементов персональных нательных украшений-амулетов (собранных в ожерелья или одиночно подвешенных), декора одежды, головных уборов или предметов домашней утвари.

В настоящий момент на территории Северо-Восточной Азии известна серия памятников верхнего палеолита, на которых обнаружены каменные украшения различных типов. Древнейшие украшения из минерального сырья выявлены при раскопках Янской стоянки (27 000–28 500 л. н. ¹⁴C): это подвески из антраколита со сверленным отверстием и из янтаря с двойной кольцевой нарезкой.²¹ Серия подвесок из мелких округлых галечек пиррофиллита, алеврита, кальцита и жадеита с единичными биконически просверленными отверстиями известна в материалах Берелехского комплекса (11 800 – 12 100 ¹⁴C л. н.).²² Эталонная коллекция каменных украшений представлена в индустрии к. с. VII Ушковских стоянок, датируемой интервалом 11 000 – 11 600 л. н.¹⁴C. При исследовании памятника Ушки-I получено более 1 000 плоских шлифованных бусин, 20 подвесок и 3 бляшки, в материалах Ушки-V — свыше 150 бусин, их заготовок и фрагментов, 32 подвески и 2 бляшки.²³ Серия украшений палеолитического облика получена из

не датированных радиоуглеродным методом памятников Континентального Приохотья. В материалах стоянки Большая Хая IV описана одна шлифованная подвеска прямоугольной формы с коническим отверстием в верхней части и четыре мелкие округлые бусины.²⁴ Единичные шлифованные бусины и подвески известны в материалах стоянок Хета и Уптар.²⁵

По мнению В. В. Питулько, каменные украшения могут рассматриваться в качестве индикаторов культурного единства комплексов крайнего Северо-Востока Азии в финале плейстоцена.²⁶ В географическом отношении палеолитические памятники с находками каменных украшений приурочены к трем районам изучаемого макрорегиона: Яно-Индибирской области, Северному Приохотью и Центральной Камчатке. К настоящему моменту бусины, подвески и бляшки из минерального сырья не выявлены в палеолитических комплексах Селемджи, Алдана, Омолона, Чукотки и Южной Камчатки. В технико-типологическом отношении обсуждаемые каменные индустрии имеют существенные отличия между собой. Украшениям из камня могут сопутствовать материалы с выраженным пластинчатым расщеплением и технологией изготовления бифасиальных орудий (Большая Хая IV / Ушки-I и V, к. с. VII), с клиновидными микронуклеусами и бифасами (Хета / Ушки-I–V, к. с. VI), бифасиальными изделиями и отсутствием технологий микро-расщепления (Берелех / Уптар).

На основании данных абсолютного датирования, стратиграфии и типологии время существования традиций производства палеолитических каменных украшений Северо-Восточной Азии определяются интервалом между ранней порой верхнего палеолита и завершением эпохи палеолита на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена. С наступлением эпохи голоцена традиция производства предметов персональной орнаментации из камня в изучаемом регионе прерывается. Следы присутствия каменных украшений в раннеголоценовых индустриях сумнагинской, уолбинской и сибирдиковской культур Северо-Восточной Азии, сменяющих на данной территории комплексы верхнего палеолита, не прослеживаются.

²¹ См.: Питулько В. В., Никольский П. А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб., 2014. Вып. 3. С. 409, 410.

²² См.: Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. С. 80–82; Питулько В. В. Археологическая составляющая Берелехского комплекса // Зап. ИИМК. 2011. № 6. С. 96–99.

²³ См.: Федорченко А. Ю. Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка)... С. 100–114.

²⁴ См.: Слободин С. Б. Хая IV — новый памятник палеолита на Северо-Востоке Азии // Северная паффика — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Магадан, 2005. С. 112–117.

²⁵ См.: Слободин С. Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене — раннем голоцене. Магадан, 1999. С. 168–172.

²⁶ См.: Питулько В. В. Указ. соч. С. 101.

Многочисленные подвески из камня обнаружены в комплексах Охотского побережья, Колымы, Чукотки и Якутии эпох неолита и палеометалла. Практика использования каменного сырья для изготовления украшений является важной особенностью материальной и духовной культуры населения региона вплоть до этнографического времени. Полученная в ре-

зультате исследования информация о технологии производства каменных украшений к. с. VI Ушковских стоянок приобретает существенное значение в контексте сравнительного изучения способов изготовления подобных изделий, происходящих из археологических памятников региона, как синхронных, так и более позднего времени.

Alexander Yu. Fedorchenko

Junior scientific researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: *winteralex2008@gmail.com*

PALEOLITHIC STONE ORNAMENTS FROM CULTURAL LAYER VI
OF USHKI SITES: CONTEXT, TECHNOLOGY, FUNCTIONS

The paper presents the results of a comprehensive study of spatial organization, manufacturing techniques and functions of personal ornaments made from soft stone from cultural layers VI of Ushki sites (Central Kamchatka). Many years of Ushki-I–V sites excavations produced a representative stone ornaments assemblage consisting of 37 items of various types (26 pendants, 7 plaques and 4 long beads). Main elements of the ornaments manufacturing context were referred to the coaly areas within the dwellings and the fire pits outside of the dwellings surrounded by work areas. The manufacturing technique involved selection and transportation of raw material to the camp sites, production of blanks by knapping soft stone pieces with the use of a stone hammer, making a preform by grinding, boring, and ornamentation of the items with notches or incisions, and leather polishing. Particularly informative were the stone personal ornaments found in cultural layer VI of the Ushki sites within the sacral context of two interments. The results of spatial, technological and use-wear analysis demonstrated a connection between these items and various functional and semantic systems. The specifics of location of the in-site decorations accumulations, as well as the use-wear traces morphology gave reasons to believe that the majority of beads, pendants and plaques were used as everyday items — personal wearable decorations and elements of clothes ornamentation.

Keywords: *Stone age, Upper Paleolithic, Kamchatka, ornaments, art, experimental use-wear analysis, technological analysis, burials*

REFERENCES

- Dikov N. N. *Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki, Verkhney Kolymy* [Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka, Upper Kolyma]. Moscow: Nauka Publ., 1977, 319 p. (in Russ.).
- Dikov N. N. *Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoy pervonachalnogo zaseleniya Ameriki* [Paleolithic Kamchatka and Chukotka in connection with the problem of the initial settlement of America]. Magadan: SVKNII DVO RAN Publ., 1993. 68 p. (in Russ.).
- Dikov N. N. [Paleolithic dwelling on the Kamchatka's site Ushki-IV]. *Sibir i ee sosedi v drevnosti* [Siberia and its neighbors in the ancient times]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1970, pp. 34–42. (in Russ.).
- Dikova M. A. [Late Pleistocene complexes Ushki V: history of discovery and research prospects]. *Severnaya patsifika — kulturnye adaptatsii v kontse pleistotsena i golotsena* [North Pacific — cultural adaptation in the late Pleistocene and Holocene]. Magadan: SVGU Publ., 2005, pp. 62–66. (in Russ.).
- Fedorchenko A. Yu. [Experimental use-wear analysis of end-scraper from late Ushki culture (Central Kamchatka)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of Institute of Archaeology]. Moscow: YaSK, Iss. 243, 2016, pp. 16–32. (in Russ.).
- Fedorchenko A. Yu. [On the question of methodology of complex research of stone ornaments (for example, the Paleolithic extreme Northeast Asia)]. *Metody izucheniya kamennykh artefaktov* [Methods of studying of stone artifacts]. Saint Petersburg: IIMK RAN Publ., 2015, pp. 135–138. (in Russ.).
- Fedorchenko A. Yu. [Tools from core preparation flakes in stone industry of cultural layer VI Ushki sites: a preliminary review of data]. *Aktualnaya arkheologiya 3. Novye interpretatsii arkheologicheskikh dannykh*

[Current Archaeology 3. New interpretation of archaeological data]. Saint Petersburg: IIMK RAN Publ., 2016, pp. 115–119. (in Russ.).

Fedorchenko A. Yu. [products with incisive cleavages of the VI paleolithic layer of the Ushki-I site (Kamchatka)]. *Stratum plus*, 2016, № 1, pp. 223–241. (in Russ.).

Fedorchenko A. Yu. [Technological analysis of stone ornaments late Ushki Culture]. *Geologiya, geografiya, biologicheskoe raznoobrazie i resursy Severo-Vostoka Rossii* [Geology, geography, biodiversity and resources of the North-East of Russia]. Magadan: SVKNII DVO RAN Publ., 2016, pp. 351–354. (in Russ.).

Fedorchenko A. Yu. [The technology of making stone ornaments in the Paleolithic Ushki sites (Kamchatka)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo sezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russia archaeological congress in Kazan]. Kazan: Otechestvo Publ., 2014, vol. 1, pp. 169–171. (in Russ.).

Fedorchenko A. Yu. [Stone ornaments of the VII cultural layer of the Ushki sites (Central Kamchatka): technological analysis]. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN* (Bulletin of the North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch), 2015, № 1, pp. 100–114. (in Russ.).

Krenke N. A., Leonova Ye. V., Melekestsev I. V., Pevzner M. M. [New data of the stratigraphy of Ushki site in the valley of the Kamchatka river]. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian Archaeology), 2011, no. 3, pp. 14–24. (in Russ.).

Mochanov Yu. A. *Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii* [The earliest stages of human settlement in Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977, 264 p. (in Russ.).

Pitulko V. V. [Archaeological component of the Berelekh complex]. *Zapiski Instituta istorii materialnoy kultury RAN* [Notes of the Institute of History of Material Culture], 2011, № 6, pp. 85–103. (in Russ.).

Pitulko V. V., Nikolskiy P. A. [Personal adornments (pendants) unearthed at Yana site: serial and specific types of artifacts] *Kamennyy vek: ot Atlantiki do Patsifiki* [Stone Age, from the Atlantic to the Pacific]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2014, iss. 3, pp. 408–418. (in Russ.).

Ponkratova I. Yu. [Ushki-5 site (Kamchatka): studies in recent years, problems and prospects]. *Kolymskiy gumanitarnyy almanakh* [Kolyma Humanities Almanac]. Magadan: Kordis Publ., 2007, iss. 2, pp. 13–20. (in Russ.).

Slobodin S. B. *Arkheologiya Kolymy i Kontinentalnogo Priokhotya v pozdnem pleystotsene — rannem golotsene* [Archaeology Kolyma and Continental Priokhot'e in the Late Pleistocene — Early Holocene]. Magadan: SVKNII DVO RAN Publ., 1999. 234 p. (in Russ.).

Slobodin S. B. [Khaya IV — a new Palaeolithic site in the North-East Asia]. *Severnaya patsifika — kulturnye adaptatsii v kontse pleystotsena i golotsena* [North Pacific — cultural adaptation in the late Pleistocene and Holocene]. Magadan: SMU Publ., 2005, pp. 112–117. (in Russ.).